

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1«16»
DOI 10.17223/18137083/64/5

Э. Малэк

Лодзинский университет, Польша

Неизученная редакция прикладов из «Римских деяний»

Представлена неизвестная версия двух прикладов «Римских деяний», которая принадлежит перу русского анонимного автора XVIII в. Текст новой редакции был обнаружен в рукописи собрания Помяловского Российской национальной библиотеки. Сопоставление с этими же прикладами Основной редакции «Римских деяний» показало, что обработка обоих сюжетов шла по линии дальнейшей русификации заимствованного текста. Сохраняя сюжетную схему повествовательной части, русский анонимный автор ввел в нее новые персонажи, новые детали и по-другому расставил акценты. Кроме анализа прикладов в приложении публикуются их тексты, что, возможно, позволит исследователям в будущем выявить другие списки этой интересной обработки.

Ключевые слова: «Римские деяния», редакция, приклад, толкование, сюжет о Папире, о трех премудростях, «Великое зеркало».

Благодаря монографии Е. К. Ромодановской, посвященной вопросам текстологии и русификации «Римских деяний», наше представление о рецепции этого сборника в России стало намного глубже. Изучив огромное количество списков перевода, исследовательница выявила 13 редакций кодексов и многочисленные редакции отдельных прикладов, охарактеризовала формы вживания западноевропейских, созданных для католического общества текстов, в русскую литературу [Ромодановская, 2009; Małek, 2010, s. 411–421]. И все же ученая осознавала, что ее работа по изучению «Римских деяний» в России должна быть продолжена. Исследовательница отметила, что особое внимание следует обратить на отдельные приклады, получившие самостоятельную жизнь в рукописных сборниках смешанного состава, поскольку именно они могут пролить свет на количество переводов всего кодекса.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на неизученную до сих пор рукопись конца XVIII в. из коллекции Российской национальной библиотеки (собр. Помяловского, № 42, л. 74 об.–78), в которой между прочим читается интереснейшая обработка двух прикладов «Римских деяний»: «Приклада о мудрости, чтобы мы все добрым размышлением творили» на сюжет о трех премудростях

Малэк Элиза – доктор филологических наук, профессор Лодзинского университета (ул. Университетская, 3, Лодзь, 90-137, Польша; elja@uni.lodz.pl)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 3
© Э. Малэк, 2018

и «Приклада второго, яко не подобает женам в тайных делах верити» на сюжет о Папире. В списке, кроме прикладов из «Римских деяний», читается рассказ «О правосудии и кротости цесаря Оттона римскаго» из Великого Зеркала (ср.: [Державина, 1965, с. 224–225]) и «Стих о розге».

1. Новая редакция

«Приклада о мудрости, чтобы мы все добрым размышлением творили»

Е. К. Ромодановская выявила семь вариантов приклада на сюжет о трех премудростях. Шесть из них сохраняют характерную для прикладов двучленную композицию, т. е. вслед за рассказом о цесаре Дометиане, купившем у некоего купца три премудрости, а именно: *что твориши, мудро твори, а смотри конца, гостинца николи не оставляй для стежки и не начуй никогда в той господе, где господарь есть стар, а жена молода*¹, в них читаются «выклады» (толкования). В седьмом, входившем в состав «Книги, нарицаемой жарты», на месте «выклада обычного» появляется Виришик, обобщающий рассказанную историю, не содержащий богословской интерпретации образов приклада.

Вариант приклада из собрания Помяловского, озаглавленный «Притча о трех мудростях, ихже прода купец некоему цесарю», интересен прежде всего тем, что его автор не только попытался довести русификацию заимствованного сюжета до конца, но также умело обработал повествовательную часть и сильно модифицировал толкование притчи.

Этикетные формулы обращения к цесарю типа *Пане милый, Пане милостивый* или опускаются вовсе, или заменяются русскими: *Великий цесарю, Милостивый цесарю*, хотя некоторые следы польского оригинала все же остаются: это лексемы *пожиточны* ‘полезный’ (наряду с *благопотребныя*), *година* ‘час’, *стешка* ‘тропка’ (иногда параллельно с лексемой *тропка*), *панове*, *каморник* ‘хозяин дома’, *балбер* ‘цирульник’ и т. д.

Сохраняя сюжетную схему повествовательной части (приход купца к цесарю, продажа трех мудростей, проверка их качества – эпизод с цирульником, который не решается убить цесаря, увидев на стене текст первой мудрости, эпизод с путешествием цесаря, который, согласно второй мудрости, не оставляет *дороги для стешки* и таким образом сохраняет свою жизнь, эпизод с ночлегом в доме, где *господин есть стар, а жена млада*), редактор последовательно вносит в нее новые детали и по-другому расставляет акценты. Уже в экспозиции «Притчи», в которой представляется главный герой – цесарь Дометиан, наблюдаем неслучайную, как представляется, замену лексем *справедливый* и *справедливости* лексемами *праведен* и *в правде*. Если первая пара слов ассоциируется с судопроизводством (*можный и зело мудрый* цесарь из «Приклада» был беспощаден к преступлениям – *никому ничесого же не пропуцал*), то *праведность* цесаря Дометиана в трактовке анонимного редактора проявляется в его добром нраве (*никого не обидил и никому не досаждал*). Следовательно, подданные возможного цесаря *в справедливости... умножахуся*, боясь строгости закона, а подданные праведного цесаря *в правде... умножахуся*, подражая праведному монарху². Но, заменяя фразу *паче велми справедливе царствовал* фразой *паче же зело праведен*, редактор (или переписчик) по недосмотру опустил глагол.

¹ Здесь и далее текст Основной редакции (список ГИМ, собр. Уварова, № 494) цит. по: [Ромодановская, 2009, с. 231].

² Ср. в Премудростях Соломона: «Будучи праведен, Ты всем управляешь праведно, почитая несвойственным Твоей силе осудить того, кто не заслуживает наказания» (Прем. 12: 15).

Следующая модификация состоит в том, что купец в редакции Помяловского предлагает *некия вещи продати цесарю зело потребныя*, тогда как в Основной редакции (как и в польском оригинале) он объявил привратнику, что имеет *некоторые вещи продать пожиточны облюбеницы цесарской*. Если эта замена не связана с попыткой убрать из текста непонятный варваризм *облюбеница*, то следовало бы ее назвать очень удачной, так как в дальнейшем фигура цесарской жены не появлялась, а три вещи (премудрости) изначально предназначались для цесаря.

Пространный диалог купца с цесарем «свертывается». В «Притче» купец, поздравив цесаря, сразу рекомендует ему три мудрости, а не неопределенные *некоторые вещи*, следовательно, цесарь не спрашивает *Что за вещи имеши продати?*, но пытается узнать, сколько должен за *каждую мудрость* заплатить. Купец же не только называет цену, но и, как бы предупреждая следующий невысказанный вопрос Дометиана, заверяет его, что вернет ему деньги в случае, если *не будут те мудрости пожиточны*. Для наглядности сопоставим этот фрагмент «Притчи» с соответствующим ему фрагментом «Приклада» из Основной редакции.

«Приклад»

«Здрав буди, Дометиане, цесарю непреможенный! Аз пришел к твоей милости, нося некоторые вещи продать».

Рекл ему Дометиан: «Что за вещи имеши продати?»

Отповедал купец ему: «Имею, наможенный цесарю, продати три мудрости».

Рекл ему цесарь: «За что ми даси куюждо мудрость?»

Отповедал купец: «Пане милый, дамы за тысящу золотых».

Рекл ему Дометиан: «А не будут ли мне твои мудрости пожиточны, тогда я свои денги погублю».

Отповедал купец: «Пане милый, не будут ли те мудрости пожиточны, то возвращу паки денги твои» (с. 231).

«Притча»

«Здрав буди, цесарю Дометиане! Пришел аз, нося с собою некоторые три мудрости, ежели купить похощеши, зело благопотребныя».

Отвеща цесарь: «По чему возмешь за каждую мудрость?»

Рече купец: «Даждь ми по тысящи златых. Аще же не будут те мудрости пожиточны, то аз твои денги возвращу» (л. 75).

«Свертыванию» текста служит также замена прямой речи косвенной, как в нижеследующих примерах:

«Приклад»

Услышавши то, воротник отворил ворота, спросил его: «Кто еси ты и чего хочешь?» (с. 231)

Увидевши то, цесарь рекл ему: «Что бысть?» (с. 233)

«Притча»

И слыша то вратарь, отворил врата и спросил, кто есть и чего требует (л. 74 об.).

Видев же сия, цесарь спроси, что ему бысть (л. 75 об.).

Редактор решает к тому же опустить некоторые детали и уточнения, как хотя бы указание на то, что купец пришел во дворец (*пришедши на замок*), что первая премудрость была (кроме прочего) написана на *убрусе, которым стол покрывал*.

Если эти пропуски можно связывать с желанием очистить текст от полонизмов, то отсутствие упоминания о возрасте молодой жены владельца гостинного дома (в Основной редакции читаем: *господин добре стар, а жена добре молода, яко бы восмнатцать лет*; в редакции из сборника Помяловского: *яко господин есть стар, а жена млада*) такой интерпретации не поддается, тем более что анонимный редактор убирает в процитированной фразе также определения *добре*, усиливающие возрастную разницу между супругами: в его версии остается лаконичное и всем понятное противопоставление старого мужа молодой жене.

Из других значащих поновлений следует отметить замену лексики *пенязи* лексемой *сребреники* в сцене подкупа цирюльника заговорщиками. В Основной редакции (как и в польском оригинале) количество денег не определяется, здесь, правда, тоже не называется сумма подкупа, но сребреники несомненно у каждого читателя ассоциируются с тридцатью сребрениками, которые получил Иуда Искариот, выдавший Христа в руки иерусалимских властей. Благодаря этой замене усиливается отрицательная характеристика заговорщиков.

Очень удачно обработан эпизод встречи цесаря с хозяевами гостинного дома. Следуя за текстом Основной редакции, анонимный редактор пишет, что цесарь *призвал пред себя* хозяина с женою, но увидев, *яко господин есть стар, а жена млада, повеле тайно каморнику своему приготовить ко опочиванию себе ложе в другом доме*. Он опускает приведенный в Основной редакции внутренний монолог цесаря, который *мыслил сам в себе: «Третья мудрость есть: не начуй николи в той господе, где господин есть стар, а жена млада»*, а вставляет в речь повествователя информацию о том, что цесарь *повеле тайно* приготовить ночлег в другом месте (можно сказать, что третья мудрость здесь тоже налицо, но имплицитно).

Оригинально изображена также реакция цесаря на возражение *коморника*, который пытался убедить его, что *во всем месте* (т. е. в городе. – Э. М.) *нет лучше сие господы*. Цесарь *со гневом* (в Основной редакции нейтральная вводная ремарка: *Рекл ему цесарь*, здесь добавлен психологически мотивированный акцент) повторяет повеление, добавочно мотивируя свое желание ночевать в другом доме тем, что он не желает мешать дворянам, которые, наверное, захотят ночью повеселиться. И, обращаясь к дворянам, говорит: *Аще хотите, останитесь здесь веселитесь, аз же иду к другому господину, да прииму покой от путешествия* (ср. в Основной редакции: *Вы, которые хотите остатись здесь, останьтесь*). А повествователь добавляет: *Тому же господину и жене его младой о том не знающим, яко цесарь в другом дому почивает*. На этот раз имплицитная информация Основной редакции о том, что хозяева *господы* не знали планов цесаря, в данной редакции высказана эксплицитно.

Выклад обычный назван здесь толкованием («Толкование притчи сея»), что не является абсолютной новостью, так как в некоторых известных редакциях «Римских деяний» он мог иметь двойное наименование («Выклад, сиречь толкование») либо просто «Толкование». Первое существенное изменение наблюдаем в объяснении (толковании) образа цесаря, который в трактовке анонимного редактора символизирует не христианина вообще (или доброго христианина), а всякого православного христианина. Словосочетание *всяк православный христианин* появится повторно в заключительной части толкования, посвященной третьей премудрости, благодаря чему конфессиональная принадлежность автора и проецируемого читателя становится еще более очевидной³.

---

³ К православному христианину апеллирует также в толковании своей редакции приклада на сюжет Столп Вергилия Никифор Симеонов. Ср.: «Сего ради всяк православный христианин должен на всяк день Отцу своему Небесному дати два пенезя, сиречь любовь, милость и честь» (цит. по: [Ромодановская, 2009, с. 543]).

Символическое толкование первой и второй премудростей полностью совпадает с Основной редакцией. Зато заключительная часть толкования сильно изменена. Редактор, сохраняя символическое отождествление образа молодой жены с суетами мира сего, вводит отсутствующее в Основной редакции понятие семи смертных грехов, одновременно заметно сокращая сильно детализированный выклад (здесь снова берет верх тенденция к лаконизму).

«Приклад»

Третья мудрость есть: не начуй никогда у старого господина, который имать жену младу. Старый gospodarь есть мир сей, иже имать младу жену, то есть суеты, из них же исходят всяческая суета суетствий. Того деля аще кто будет в сем мире начевати, тот будет бояться смерти, всяк бо не может раб быти миру и Богу.

Панове же, которые сложилися на цесаря, то суть диаволи, которые всегда хотят невидимо человека забить. И аще не возмогут собою, то соглашаются с балвером, то есть с плотию, которая есть яко балверь, ибо якоже балверь голит власы, такожде и плоть волею своею голит добродетели, которая на святом крещении принимает челове.

Але бы смотрил человек на свою кончину, сиречь на смерть, ею же имаши умрети, или когда, или где, тогда бы ся отдалил учинков злых. Сего ради будем соблюдать те добродетели, и тако наследи́м живот вечный (с. 237).

«Притча»

Третья мудрость: «не начуй николи у старого господина, который имать жену младу». Стары господин есть мир сей, иже имать жену младу – суеты мира сего, из нихже исходит седмь грехов смертивых, **и хже всяк православный христианин** не творяй, да спасет-ся имать царствовати вовеки.

Сии же грехи и с ними древни ратник диавол означены в притче изменниками цесарскими, иже всегда и непрестанно ишут душу и тело человеческое погубити и ввергнуту в пропасть адскую (л. 77).

2. Новая редакция

«Приклада второго, яко не подобает женам в тайных делех верити»

Приклад на сюжет о римском юноше Папирии пришел на Русь благодаря переводу Хроники Мартина Бельского и уже в начале XVII в. был включен в Хронограф редакции 1617 г. Нас же в данный момент интересует тот вариант сюжета, который восходит к «Римским деяниям».

Е. К. Ромодановская выявила и опубликовала текст «Приклада второго» из Основной редакции «Римских деяний» по списку ГИМ, собр. Уварова, № 494 с разночтениями по 18 другим спискам [Ромодановская, 2009, с. 259–261] и отдельно по списку РНБ, Q.XV.162 [Ромодановская, 2015б, с. 458–459], вариант Погодин-1713 Основной редакции по списку РНБ, собр. Погодина, № 1713 с разночтениями по двум другим спискам [Ромодановская, 2009, с. 388–389], Великоустюжскую редакцию по списку РГБ, ф. 122, Великоустюжское собр., № 59 [Там же, с. 552–553]. Текст приклада Второй редакции печатался по списку РНБ, Соловецкое собр., № 242/242 с разночтениями по четырем спискам [Там же, с. 646–647] и отдельно по списку РНБ, Соловецкое собр., № 865/975 [Ромодановская, 2015б, с. 460–461]. Текст Сокращенной редакции (без выклада) печатался по списку РНБ, Спб.ДА, № 304 [Ромодановская, 2009, с. 715–716], а текст Промежуточной редакции по списку РНБ, собр. Погодина, № 1714 [Там же, с. 750–752]. Распространенный вариант Редакции фаций (без толкования) опубликован по списку ИРЛИ, собр. Перетца, № 213 с разночтениями по трем другим спискам

[Ромодановская, 2009, с. 843–844], а Музейный вариант приклада (вне кодекса, без толкования) – по списку РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 5996 [Там же, с. 887–888].

Изучив различные варианты рассказа о Папире, Ромодановская пришла к выводу, что он «исконно представляет собой исторический анекдот... именно поэтому, должно быть, ни в одном из известных в настоящее время отдельных списков “Папира” толкование не сохранилось» [Ромодановская, 2009, с. 142]. В списке, которым мы располагаем, «Притча о юноше Париусе» (такое заглавие получил «Приклад второй, яко не подобает женам в тайных делах верити») заканчивается толкованием.

Отличие изучаемой редакции от опубликованных Ромодановской проявляется на разных уровнях. Возможно, по аналогии с предыдущим прикладом, главным героем которого был цесарь Дометиан, но вопреки тексту Основной редакции в «Притчу» вводится новый персонаж – цесарь, который вместе с сенаторами заседает в Сенате. Не исключено, однако, что здесь мы имеем дело с проекцией на текст данной редакции русской политической системы – русский император мог принимать участие в заседаниях Сената.

Подобно притче на сюжет о трех премудростях, редактор свободно модифицирует диалоги, вкладывая в уста персонажей новые слова и мысли: к вопросу матери, пытавшейся выведать, о чем говорили сенаторы и почему запретили о том *поведать под казнию*, редактор присочинил следующую просьбу: *Молю убо тебе аз, мати твоя, и, яже ты ми поведаеши, и аз содержу в сердце своем тайно и никомуже поведаю*. (Эта амплификация важна в контексте дальнейшего развития действия: ведь вскоре окажется, что мать не сможет сохранить тайну.) А в ответе сына редактор модифицирует вторую часть предложения Основной редакции *Неподобно тебе ведати того, но сие веждь, что заказано не поведати того никому*, вводя тему вечной казни за прегрешение: *Не подобает тебе, мати моя, тое тайны знати, ибо егда аз поведаю, то вечною смертию казнен буду*. Таким образом, уже в повествовательной части «Притчи» появляется намек на скрытый символический смысл всего рассказа о Папире.

До абсурда доводится требование римских женщин: в версии анонимного книжника они хотят иметь не двух, но трех мужей каждая. Несуразность их просьбы подчеркивается в заключительных словах «Притчи». Челобитье женщин названо бездельным (т. е. наглым, непристойным), а они сами определены рассказчиком как *бездельныя*: *А женам отказали в их бездельном челобитье. Они же бездельныя возвратишася со стыдом*. Парадоксальный поворот в ожидаемом развитии событий, который мог бы привести к смеховой развязке⁴, подчиняется таким образом нравоучительной установке притчи. Женщины *пристыживаются* (в Основной редакции говорилось лишь, что они *ни с чем возвратишася каяжда к дому своему*).

Толкование открывается обращением к читателю: *Разумей, читателю, притчи сея выклад*. За ним следует весьма оригинальное символическое объяснение смысла «Притчи»: *Сенат – Соборная церковь, цесарь – Господь по глаголу святого апостола Павла, яко Христос есть глава церкви*⁵. *Сенатори, то есть апосто-*

⁴ Эта потенция реализуется в Редакции фацеций.

⁵ Трудно однозначно сказать, к какому конкретно тексту отсылает читателя автор «Притчи», так как мысль о главенстве Христа в Церкви можно найти в нескольких посланиях апостола Павла, ср.: «...Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (Еф. 5: 23); «Он есть глава тела Церкви» (Кол. 1: 18). Самое обширное обоснование она получает в «Четвертом послании к Ефессянам»: «...Он поставил одних Апостолами, других – пророками, иных – Евангелистами, иных – пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова... дабы мы не были более младенцами... но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого

лии и святии отцы, тайна есть заповеди Божия, Париус юноша – живот всякого человека. Со отцем же, сиречь з добрым приложением, входит в тайну мудрую, идеже беседует и молится о спасении своем и о духовной мудрости, она бо не всякому поведается (л. 78).

Во всех известных ранее толкованиях этого приклада сенат вовсе не подвергался символическому объяснению, здесь же сенат сравнивается с соборной Церковью, а новый персонаж – цесарь приравнивается к Богу. Правда, в последнем случае анонимный редактор, с одной стороны, следует традиции, так как по справедливому замечанию Е. К. Ромодановской «К Богу, как правило, приравнивается цесарь/король – даже если он только назван и никак не действует в сюжете» [Ромодановская, 2015а, с. 440], с другой стороны, однако, его оригинальность и самостоятельность проявляется в том, что свою «выкладку» редактор подкрепляет ссылкой на апостола Павла (в остальных редакциях прикладов ссылок такого типа не было).

Конфессиональное преломление фабулы и толкований, а также стилистические и языковые изменения исходного текста прикладов выделяют эту редакцию на фоне уже известных. В данный момент мы не в состоянии ответить на вопросы, почему редактор выбрал именно эти два ехемпла и получили ли они распространение в рукописной традиции. Наличие в исследуемой рукописи некоторых досадных ошибок (искажение имен, пропуски опорных слов) наводит на мысль, что это все-таки список, а не оригинал. А относительно архаичный для конца XVIII в. язык (например, употребление лексем *идеже*, *иже*, *по глаголу*) может указывать на более раннее, чем дата рукописи, возникновение этой редакции.

В приложении приводим тексты обеих притч, надеясь, что их публикация позволит в будущем выявить другие списки этой интересной обработки.

Список литературы

Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. 439 с.

Ромодановская Е. К. Римские деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М., 2009. 966 с.

Ромодановская Е. К. О символике толкований в прикладах «Римских Деяний» // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 1. М.: Индрик, 2015а. С. 436–442.

Ромодановская Е. К. «Римские Деяния» и историческое повествование Древней Руси // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 1. М.: Индрик, 2015б. С. 453–464.

Malek E. Новое слово в изучении судьбы сборника «Римские деяния» на Руси // Slavia Orientalis. 2010. No. 1. S. 411–421.

Приложение

Притча о трех мудростях, ихже прода купец некоему цесарю

Цесарь Дометиан богат и разумен, паче же зело праведен, зане никого не обидил и никому не досаждал, и тако в правде его люди умножахуся.

все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4: 11–16).

Прилучися же в некое время цесарю сидеть за столом, и в то время прииде неки купец, толцал во врата, дабы его пустили.

И слыша то вратарь, отворил врата и спросил, кто есть и чего требует. Отвещав ему: «Аз есмь // (л. 75) купец, имею некия вещи продати цесарю зело потребныя».

Услышав то, вратарь пустил его на двор. Тогда купец, пришед к цесарю, поздрави ему сице: «Здрав буди, цесарю Дометиане! Пришел аз, нося с собою неоторыя три мудрости, ежели купить похощеши, зело благопотребныя».

Отвеща цесарь: «По чему возьмешь за каждую мудрость?»

Рече купец: «Даждь ми по тысящи златых. Аще же не будут те мудрости пожиточны, то аз твои денги возвращу».

Тогда цесарь рече: «Повеждь ми те три мудрости».

Отвеща купец: «Первая мудрость: аще что хощеши творити мудро, всяко не начинай, прежде не осмотрев конца. Вторая мудрость: не оставляй большой дороги для малой стешки или тропки. Третья мудрость: не начуй никогда в том дому, где господин стар, а жена его млада. Сия три мудрости храни, добре ти будет».

Цесарь же сия слышав, дал ему за каждую мудрость по тысящи златых. И первую мудрость велел написать во всех полатах и чертозах своих по стенам и на всяком месте.

Потом не в долзе времени для его справедливости бысть тако: панове и рыцари его совет сотвориша, чтоб его убить. И собою сего учинити не возмогоша, наняли балбера его, да егда станет у цесаря браду брить, то б горло ему бритвою перерезать. Тогда балбер, // (л. 75 об.) взявши от них сребреники, обещашася то сотворити.

И как стал у цесаря браду брить, возрев на оное писание «аще что хощеши творити мудро всегда не начинай прежде не осмотрев конца» и мыслил в себе: «Нанят есмь, чтоб цесаря зарезать. Аще же то учиню, тогда конец мой будет злая смерть и погибель всего рода моего. И тако что имам сотворити, ибо писание сие поведает правду».

И абие почали ему руце дрожати и бритва из рук выпала. Видев же сия, цесарь спроси, что ему бысть. Балбер же со умилением отвечав: «Великий цесарю, умилосердися надо мною, ибо нанят есмь тебя зарезать. И егда сия помышлях, возрев на сие писание и увидев, яко конец мой будет злая смерть. Того ради руце у меня задрожали и бритва из рук выпала».

Слышав же то, цесарь рече в себе: «Се первая мудрость сохранила здравие мое. Благословенна та година, в неюже дах заплату».

И рече балберу: «Отпускаю тебе вину сию, и отселе буди ми верен».

Видев же то панове, что не могли его так погубить, и рекоша: «Во грядущи день поедет цесарь в малом числе до иного града, и мы дождемся его тайно на оной стешке, по которой ехать цесарю чрез лес, а мимо того места ехать невозможно, и тут убием его».

И все ту думу похвалили и, поехав, изготовилися на убийство его.

Тогда цесарь поехал до одного града // (л. 76) и, приехав до той стешки, рекоша ему бывшии с ним рыцари: «Лутче ехать себе стешкою и ближе, нежели дорогою».

Цесарь же рече в себе: «Исповедаю аз вторую мудрость, что не оставляй дороги для стешки».

Рече к своим дворяном: «Не хочу оставить дороги для стешки, буде хотите, поезжайте одне и приготовте потребная к моему приезду».

Дворяне же поехали стешкою одне бес цесаря, а Дометиан дорогою. Тогда неприятели цесарския, которые заступили тропку, чающе, что цесарь тут, возстав, побили всех дворян.

Слышав же то, цесарь рече в себе: «Се вторая мудрость сохранила здравие мое».

Видев же то панове, что и тем не могли его погубити, советовали между собою, како бы его и коею притчиною погубити. И рекоша: «В завтрашний день будет цесарь начевать в дому одного государя, иже имеет жену младу, ибо не имать лутче того начлегу. И мы найдем господина з женою, как цесарь уснет, чтоб нас пустил к нему, и убием его тут».

И тако сотвориша по обещанию своему.

И как цесарь приехал в дом господина того, призвал пред себя его и з женою. И видев, яко господин есть стар, а жена млада, повеле тайно каморнику своему приготовить ко опочиванию себе ложе в другом доме.

Слышав же сия, каморник рече: «Милостивый цесарю, уже здесь все добре изготовлено // (л. 76 об.) и во всем граде несть лутче сего дому, чего ради буди zde опочивать».

Цесарь же со гневом рече: «Повелеваю ти изготовить, ибо здесь дворян моих оставляю и не хочу их мене ради от веселия, которые не оставят меня, своим веселием беспокоить».

Что слышав каморник изготова ко опочиванию ложе у другого господина. И рече цесарь своим дворянам: «Аще хотите, останитесь здесь веселится, аз же иду к другому господину, да прииму покой от путешествия».

Тому же господину и жене его младой о том не знающим, яко цесарь в другом дому почивает. И как все дворяне уснули, тогда старой господин з женою своею, возставше, со изменниками цесарскими побили спящих дворян, чающе между ими быти и цесаря.

Дометиан же, возстав поутру рано, прииде и обрете дворян своих всех побитых, рече в себе: «Аще бы аз zde спал, то с ними же бы был убит, якоже и они. Се уже третья мудрость сохранила здравие мое».

Старого же господина з женою и изменников всех, поймав, казнил. И потом цесарствовал без всякаго препятствия много лет и пока жив был, те три мудрости всегда соблюдал. И скончал живот свой в покое.

Толкование притчи сея

Братия моя возлюбленная! Цесарь той должен быть всяк православный христианин, понеже имеет власть над плотию своею и над душею. //

(л. 77) Вратарь есть воля, зане велик грех волный.

Купец есть Господь наш Иисус Христос, по писанию святого Иоанна Богослова: «Се тако стою Аз у врат и толчю, отверзет ли кто, и Аз вниду к нему и вечеряю с ним»⁶.

Той купец душе твоей продает три мудрости. Златые есть добродетели: первая мудрость «что хоцещи творити мудро, не твори, прежде не осмотрев конца», то есть твори прежде для Бога во всех делах и мыслях духовных и смотри конца. Ту мудрость поминая, вовеки не согресиши.

Вторая мудрость: «не оставляй дороги для тропки» — путь десяти Божиих заповедей, ихже всегда держатися подобает даже и до смерти, а никогда не ходити стезею живота злаго, якоже отступницы творят.

Третья мудрость: «не начуй николи у старого господина, который имать жену младу». Старый господин есть мир сей, иже имать жену младу — суеты мира сего, из нихже исходит семь грехов смертных, ихже всяк православный христианин не творяй, да спасется, имать царствовать вовеки. Сии же грехи и с ними древни

---

⁶ Ср.: «Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со мною» (Откр. 3: 20).

ратник диявол означены в притче изменниками цесарскими, иже всегда и непрестанно ищут душу и тело человеческое погубити и ввергнути в пропасть адскую.

Притча о юноше Париусе

Макробиус⁷, славный деянием писател, пишет, что в Риме в некое время была в *сенате тайна⁸. И вшел тамо един неки юноша, емуже имя Париус, со отцем своим // (л. 77 об.) к сенаторам римским. Был же тогда в присудствии и цесарь, и было заповедано о той тайне, чтоб никому и ни от кого не была поведена.

И как той юноша пришел из сената домой, тогда мати его спрашивала, глаголя: «Сыне мой милы, что есть такая за тайна, еже никому не повелено поведати под казнию? Молю убо тебе аз, мати твоя, и яже ты ми поведаеши, и аз содержу в сердце своем тайно и никому не поведаю».

Отвещав ей сын: «Не подобает тебе, мати моя, тое тайны знати, ибо егда аз поведаю, то вечную смертию казнен буду».

Слышав же то, мати нача юношу просити сицевым прошением, обещаая никому не поведати, и уже нача грозити и бити его, дабы ей поведал. Юноша же, видев принуждение матери своей, мысля в себе, как бы утешить ея, а тайны не поведать, и рече ей: «О мати моя, то есть тайна: которое бы дело из двух сих было лутче – единому ли мужу имети три жены или единой жене три мужа».

Слышав же сия, мати его абие поведа сия протчим женам. И тако едина по единой рассказующи, что вси жены оного дни уведали.

И во утрие собравшись великою граматою⁹ без всякаго мешкания пришли в сенат и рекоша сенаторам римским: «Лутче бы то дело было, чтоб единой жене иметь по три мужа, нежели единому мужу по три жены».

Сенатори же, то слышавше, весма удивихся безстудию жен, от чего таковое нестыдливое их прошение произыде. //

(л. 78) Видев же то, Париус юноша поведа притчу сию сенатором и цесарю, ейже¹⁰ он бысть повинен. Слышав же то, цесарь и сенатори похвалили его в том и устави, чтоб всегда Париус юноша в тайнах был.

А женам отказали в их бездельном челобитье. Они же бездельныя возвратишася со стыдом, к дому своим поидоша.

Толкование притчи сея

Разумей, читателю, притчи сея выклад. Сенат – соборная церковь, цесарь – Господь по глаголу святаго апостола Павла, яко Христос есть глава церкви. Сенатори, то есть апостолии и святии отцы, тайна есть заповеди Божия, Париус юноша – живот всякаго человека. Со отцем же, сиречь з добрым приложением¹¹, входит в тайну мудрую, идеже беседует и молится о спасении своем и о духовной мудрости, она бо не всякому поведается.

Мати есть мир сей, иже советует всякому человеку благоговейне и духовную тайну от себе отринуту.

Егда же не может человека прелстити, тогда грозами и биением, то есть бедами, нечаянно находящими напастми, убожеством и протчими злыми хочет вринуту в греховны ров уныния и отчаяния.

⁷ Испр., в ркп. *Цесарь Иробнус*.

⁸ В Основной редакции *рада таемна*, т. е. тайное совещание.

⁹ В Основной редакции *грамадою* 'толпой'.

¹⁰ Испр. по Основной редакции, в ркп. *имже*.

¹¹ Так в Погодинском варианте Основной редакции (Погодин-1713) (см. [Ромодановская, 2009, с. 389]). В Основной редакции – с *добрым преложным*, т. е. с добрым начальником.

Сотвори же тогда, якоже и Париус учинил, оставя сей мир чрез добровольное убожество, указуя три жены, еже есть различные грехи, прибегни паки в сенат и цесарю Христу принеси покаяние, и моли сенаторов и друзей его, святых апостол и святых отец, чтоб и тебе в тех даровал прощение, и всегда пребывай в мудрой тайне покаяния исправлением добрых дел. И к тому не согрешай, да не горшее тех постраждеши.

РНБ. Собр. Помяловского. № 42. Л. 74 об.–78.

E. Malek

The University of Lodz, Poland, elja@uni.lodz.pl

On the newly found exempla from the Russian translation of Gesta Romanorum

The paper presents an unknown version of the two exempla of Gesta Romanorum. The text of the new version was discovered in a manuscript of the late 18th century from the collection of the National Library of Russia (Collected by Pomyalovsky, no. 42, pp. 74–78) which has not yet been studied. This manuscript presents the most interesting treatment of *Priklada o mudrosti, chtoby my vse dobrym razmyshleniyem tvorili* on the plot of «Tale of doing all things with concord and forethought» and *Priklada, yako ne podobayet zhenam v taynykh delekh veriti* on the «Story of the prudence of the young Papirius, and the inability of women to keep secrets».

The comparison of the texts of the Pomyanovsky's manuscript with the exempla of the Basic edition of the Gesta Romanorum showed that the treatment of both plots follows the further Russification of the borrowed text. In addition, the narrative part is consistently revised. The editor freely modifies the dialogues, putting new words and thoughts into the mouth of the characters; the interpretation of the parable is greatly modified. While preserving the plot of the narrative, the Russian anonymous author introduces new characters, new details and different accents.

Besides the textological analysis of the tales, their texts are provided, making it possible for the researchers to identify other lists of this interesting version and determine the time of its creation in future.

Keywords: «Gesta Romanorum», exempla, novel, interpretation, the plot about Papirius, the plot about three wisdoms the story of the three caskets, «The Great Mirror».

DOI 10.17223/18137083/64/5

References

Derzhavina O. A. *“Velikoe Zercalo” i ego sud’ba na russkoy pochve* [“The Great Mirror” and its fate on Russian ground]. Moscow, 1965, pp. 224–225

Malek E. Novoye slovo v izuchenii sud’by sbornika “Rimskiye deyaniya” na Rusi [A new word in the study of the fate of the collection “Roman acts” in Russia]. *Slavia Orientalis*. 2010, no. 1, pp. 411–421.

Romodanovskaya E. K. O simvolike tolkovaniy v prikladakh “Rimskikh Deyaniy” [On the symbolism of the interpretations in the butts of the “Roman Acts”]. In: *Krugi vremen. V pamyat’ Eleny Konstantinovny Romodanovskoy. T. 1* [Circles of time. In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya. Vol. 1]. Moscow, Indrik, 2015, pp. 436–442.

Romodanovskaya E. K. “Rimskiye Deyaniya” i istoricheskoye povestvovaniye Drevney Rusi [“Roman Acts” and the historical narrative of the Ancient Russ]. In: *Krugi vremen. V pamyat’ Eleny Konstantinovny Romodanovskoy. T. 1* [Circles of time. In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya. Vol. 1]. Moscow, Indrik, 2015, pp. 453–464.

Romodanovskaya E. K. *Rimskiye deyaniya na Rusi. Voprosy tekstologii i rusifikatsii. Issledovaniye i izdaniye tekstov* [Roman acts in Russia. Questions of textology and Russification. Research and publication of the texts]. Moscow, 2009, 966 p.